

ЗЕМЛЯ

ЯШАР КЕМАЛЬ

Яшар Кемаль — крупный современный прозаик Турции. Главная тема его творчества — жизнь турецких крестьян. Писатель родился в 1922 году в деревне на юге Турции, многие годы провел среди крестьян, глубоко изучил их быт. Яшар Кемаль выпустил ряд сборников рассказов и очерков. Он автор романа «Тощий Мемед», который был переведен на русский язык и издан в Советском Союзе.

Публикуемые здесь маленькие очерки — живые зарисовки современной жизни анатолийского крестьянства — опубликованы писателем в книге «Чукурова в огне» (Чукурова — название одной из деревень).

В ЧЕМ ЖЕ ПРИЧИНА?

НА ГОРАХ Тектек начиная с 1948 года построено больше трехсот деревень. Раньше эти горы были пустыни. Никто, кроме пастухов, не заходил сюда. Но вот на равнине появились тракторы, и год от года стало расти число выброшенных с земли испольщиков. Они собирали свои пожитки и уходили в горы. Больше идти было некуда. Так и возникло здесь триста деревень. Правительство дало крестьянам купчие на владение здешними землями по 80—100 денюмов¹. Однако горная почва слишком суха и не дает, хоть умри, большого урожая. Но все же это лучше, чем ничего. Есть землянка, где можно укрыться, есть земля, чтобы хоть как-то кормиться.

Так крестьяне получили 500 тысяч денюмов государственных земель из угодья Джейланпынары. Во время раздачи я был там и видел все собственными глазами. Слыханное ли дело, крестьянин, у которого

¹ Денюм — 919,3 квадратных метра.

столетиями не было и клочка земли, вдруг получил ее? Может ли быть для него большой праздник?

Раньше землей владели крупные помещики, у которых было по несколько тысяч денюмов и по 50—60 крестьян; и кулаки, у которых самое меньшее было по три батрака. Остальная масса людей, занятых в сельском хозяйстве, составляла огромную армию наемных рабов. И вот теперь они стали хозяевами земли. У них словно крылья выросли за плечами. Праздник продолжался несколько дней...

...Загорелый крестьянин с короткой жесткой бородкой сидел у землянки, подставив спину лучам заходящего солнца и потихоньку тянул песню. Завидев нас, он умолк, но с места не сдвинулся. Мы поздоровались с ним. Он ответил и, поднявшись, пригласил нас войти. Мы уселись друг против друга. Около нас стали собираться люди. Они подходили незаметно, словно вырастали из-под земли. Мне пришла на память одна беседа с помещиком из Урфы.

— Мы видели, как правительство раздавало крестьянам землю, — говорил он. — А они отдали ее кулакам обратно, обработать не смогли.

— В чем же причина?

Она попыталась подняться с постели и не смогла. Все в этом доме было ей незнакомо. Вокруг — ни души, ничем не нарушаемая тишина. Рядом стоял столик. На нем белел листок бумаги. Кто-то незнакомый писал ей:

«Дорогая девушка!

Я не знаю, кто ты. И не знаю, почему ты хотела умереть. Я возвращался на лодке с моря и увидел тебя. Три раза кричал, чтобы ты вернулась. К счастью — не напрасно. Когда я подбежал к тебе, ты была без сознания. Ты можешь жить в моем доме, сколько захочешь. Сейчас уже утро. Я ухожу опять в море. Не обижайся, что я не поговорил с тобой. Досуг у людей труда не так уж долгод. И не вздумай повторять все сначала. Запомни: умереть — де-

ло нетрудное, надо бороться за жизнь. Но я уже опаздываю... Работа зовет меня. Сегодня мы уходим далеко в океан».

* * *

«Надо бороться за жизнь...» Фумико прочитала письмо незнакомого рыбака несколько раз.

До нее вдруг долетел неясный рокот взволнованных голосов. Этот рокот все нарастал, усиливался. Казалось, где-то плещется безбрежное людское море.

Фумико встала и вышла на улицу. Мимо рыбацких хижин шли демонстранты. Колонна за колонной. Да, безбрежное людское море. Фумико смотрела

— Ты журналист, вот и узнай в чем дело, — отвел тогда помещик.

Вспомнив этот разговор, я спросил у бородатого крестьянина:

— Послушай, говорят, вы не обрабатываете свои поля, а бросаете их или продаете кулакам.

— Правду говорят.

— Но почему?

— Причин много.

— Какие же?

— Волов нет, денег нет, работать некому.

— Что ты говоришь, дядюшка? Я сам крестьянин. Для этого существуют банки. Недавно правительство выдало крестьянам большой кредит. Разве вы не смогли им воспользоваться?

Он только покачал головой. В глазах у него стояли слезы. Его товарищи тоже словно окаменели.

— Взяли, да уже проели, — вымолвил наконец мой собеседник.

Другой добавил:

— Мало нам правительство дало.

— Мы считаемся новоселами. Нам нужно было дать больше, чем другим, в два-три раза, — присоединился третий.

— Теперь нам намного лучше. Мы поменялись местами, — криво усмехнулся черноглазый крестьянин лет тридцати, похожий на злого духа из сказки.

— Не понял.

— Местами, говорю, поменялись. Раньше мы были наемниками, вернее, рабами аги. Теперь правительство дало нам землю.

— Вы освободились...

— Освободились, только у аги трактор, а у нас и волов не было.

— И что же?

— Ага пришел к нам и говорит: «У вас земля пустует, а у меня трактор стоит. Давайте кооперироваться». Что нам оставалось? Опять пошли к аге. Только местами с ним поменялись.

— Как это?

— Поле наше, семена наши, а трактор и комбайны — у аги. Получается та же испольщина, только наоборот. Раньше мы работали, а ага давал нам землю, семена и волов, а теперь работают его машины на наших землях с нашими семенами.

— А вы что же делаете?

— Мы добились, чего хотели. Теперь отдыхаем, спокойные и довольные.

Было ясно, что он морочит меня. В глазах его губтаилась горькая улыбка.

— Надо и нам немного отдохнуть. Пусть теперь ага поработает. Да и ему можно спать, трактор без него справится.

— А можете ли вы прожить на свои заработки?

— По работе и заработки. Мы ведь камней не ворочаем...

Вот что случилось с землей, которую правительство дало крестьянам вилайета Урфа, чтобы помочь им поднять свое хозяйство. Большая часть земли вновь оказалась у кулаков. Остальная земля обрабатывается исполу, половина урожая, как и прежде, идет аге. Крестьянам, которые сами воспользовались новыми участками, принадлежит не более десяти процентов земли.

Возникла новая форма испольщины. Люди, не имевшие никакого отношения к сельскому хозяйству, в большинстве случаев мелкие торговцы, приобрели тракторы. Они-то и стали новоиспеченными кулаками.

Странные вещи!

ПОД ЗЕМЛЕЙ

К западу от Урфы лежит Харанская долина. Рядом — граница Сирии. Долина эта ровная, безмятежная, будто спокойная гладь моря в солнечный день. Вдали возвышаются горы. Кое-где видны прижавшиеся друг к другу куполообразные холмики высотой с человеческий рост. Это деревни. На холмиках родинками темнеют крохотные, с ладонь, отверстия.

на транспаранты и не верила своим глазам: на них было ее имя и имя Судзуки. Лозунги звали: «Долой атомную смерть! Долой атомные базы! Вон американских убийц с нашей земли! Братья и сестры, помните о Судзуки и Фумико! Все вместе отстоим жизнь, победим смерть, победим несчастье!..»

Демонстрация остановилась. Зазвучал взволнованный голос оратора:

— ...Популярный в Нагасаки актер Судзуки умер в госпитале в Токио... Его невеста Фумико Нарахара получила это печальное известие вчера вечером... С тех пор о ней ничего не известно... Судьба Фумико — судьба столько наших сестер в Нагасаки...

Все на улице теперь только и говорили о ней. И в словах каждого было искреннее сочувствие, же-

лание помочь ее горю. Гибель Судзуки, ее горе словно стало горем всей Японии.

Фумико поняла: какая-то невидимая, но прочная и неразрывная связь соединяет ее со всеми этими людьми.

Нет, она не должна уходить из жизни.

Незнакомый рыбак прав.

Она должна встать в ряды демонстрантов.

Быть вместе со всеми. Вместе со всеми — против смерти, за жизнь, за счастье.

Человеку нужен мир, ему не нужны бомбы.

Перевел с английского
В. Зимин

Это окна землянок. Сгрудились землянки так тесно, что деревня из 50 дворов занимает два с половиной днюма.

Я вошел в одну из таких деревень. Три женщины добывали из колодца воду. В придорожной канаве, учащенно дыша и высунув длинный красный язык, развалилась тощая собака.

Колодцы здесь очень глубокие. Как и везде в пустыне, на глубине двух метров здесь воды нет. Не очень-то легко доставать воду с глубины 50—60 метров! А о насосах говорить не приходится. Над колодцем прикрепляется колесо. К нему привязана длинная веревка, на конце которой висит кожаная бадья (жестяные и деревянные бадьи с водой слишком тяжелы). Бадью опускают в колодец. Когда она наполняется, женщина начинает тянуть перекинутую через плечо веревку, шаг за шагом отходя от колодца. Бадья поднимается. Когда она уже наверху, женщина созывает других, идущих за водой, и они разливают воду по ведрам. Потом все начинается сначала. Ни в одной деревне я не видел свободного колодца. Всюду возле колодцев толпились женщины, согнувшиеся в три погибели, прилагающие нечеловеческие усилия, чтобы добыть немного воды из самого чрева земли.

В некоторых деревнях вместо женщин использовали лошадей. Две лошади могут обеспечить водой всю деревню. Хоть бы во всех деревнях додумались до этого нехитрого решения!

Я принялся разглядывать женщин у колодца. На

головах у них были разноцветные хотозы² высотой в 50 сантиметров. Светлые трехцветные юбки подпоясаны вышитыми кушаками. По их лицам стекал обильный пот. Одно мне особенно бросилось в глаза: верхние губы у всех были или черными, или фиолетовыми. Я даже не сразу понял, что это татуировка. Потом я не раз видел женщин с татуированными лицами. И тела их, как ковры, были украшены этой своеобразной вышивкой. Татуировка так же, как лошадь, газель, верблюд и чертополох, — родное дитя пустыни.

— Тетушки, есть ли кто-нибудь в этой деревне? — обратился я к женщинам.

Меня не поняли. Я спросил по-курдски — опять не поняли. Одна из них позвала кого-то. Из землянки показался высокий и худой юноша лет двадцати, с темными глазами газели и черными усами.

Я заговорил с ним по-турецки.

— Чья это деревня?

Он не ответил.

Я обратился по-курдски. Юноша ответил на ломаном курдском языке.

— Халиль-аги.

— Вы итальянцы?

— Да.

В красивых доверчивых глазах стояла тоска загнанного арабского скакуна. Когда разговор зашел

² Хотоз — женский головной убор, похожий на кокошник.

НОВЫЙ ФИЛЬМ

ОДНАЖДЫ утром из рыбацкого порта на юге японских островов вышло небольшое судно «Кайин-мару». Оно держало курс на соседний остров. Экипаж состоял из капитана Каmegоро, его племянника Санкачи, грузчика Хачизо и женщины-матроса Гороске.

Однако к вечеру небо покрылось темными тучами, началась буря. Миновала ужасная ночь, но буря не утихла. Так прошло пять дней. Замолк мотор, сломался руль. Судно не может двигаться дальше. К тому же пропала почти вся еда. Капитан Каmegоро решил взять под контроль весь остаток провианта и приказал экипажу ограничиться рисовой размазней...

Так начинается японский художественный фильм «Человек». Его автор — сценарист и режиссер Ка-

